

ГОГОЛЬ И РУССКИЙ ТЕАТР

В 1836 году, когда в Петербургском базенном театре шло представление комедии «Ревизор», Гоголь вынес обвинительный приговор современному ему театру. Великому писателю был ненавистен безидейный театр праздного увеселения, существовавший в то время и в крепостной России, и в странах Западной Европы.

«Из театра мы сделали игрушку, — писал Гоголь, — вроде тех побрякушек, которыми заманивают детей, позабывши, что это такая кафедра, с которой читается разом целой толпе живой урок, где, при торжественном блеске освещения, при громе музыки, при единодушном смехе, показывается знакомый, прачущийся порок и, при тайном голосе всеобщего участия, выставляется знакомое робко скрывающееся возвышенное чувство».

Писатель-драматург впервые в русской литературе назвал театр всенародной кафедрой, призванной идейно воспитывать и просвещать народ.

Он утверждал, что театр должен быть национальным. Драматург и актер обязаны смотреть в лицо своему народу, жить вопросами современной действительности во всей ее сложности, во всей полноте жизненной борьбы.

«Рали бога, дайте нам русских характеров, нас самих, дайте нам наших плутов, наших чулаков! — писал Гоголь. — На сцену их, на смех всем! Смех — великое дело: он не отнимает ни жизни, ни имени, но перед ним виновный — как связанный заяц».

В этих словах звучал сильный, убежденный призыв писателя-реалиста, драматурга-гражданина к тому, чтобы весь театр проникся живыми потребностями своего народа, чтобы он откликался на живучие вопросы современности.

Сам Гоголь первым показал в этом отношении замечательный пример, выступив в драматургии с такими пьесами, как «Ревизор», «Женитьба», «Прокли». Главным действующим лицом, по определению автора, в этих пьесах был — Смех.

На суд Смеха Гоголь отдал «плутов», «боготителей неба» (его выражение), самоуправцев, насильников, крепостников разных чинов и званий, общим реакционным усилием преграждавших русскому народу путь к счастью и свободе. Сам

Гоголь определил задачу «Ревизора» как задачу общественной комедии-сатиры.

Смех Гоголя обладал такой силой жизни, таким острым чутьем действительности, такой смелостью нападения и такой широтой и глубиной охвата, что маленький уездный городок, представленный в «Ревизоре», оказался вернейшей копией феодально-самодержавной Российской империи с ее верховным насильником Николаем I.

Гоголь ни единым штрихом не смягчил картину самоуправства, взяточничества, кривосудия, бесконечного произвола, царивших в условиях царского самодержавия. Картина жизни одного уездного городка оказалась верна для тысячи уездных и губернских городов царской России, для ее столицы, верна для всей империи крепостного насилия и полицейского произвола. Каждый читатель и зритель «Ревизора», где бы он ни жил, непременно встречался с гоголевским городничим, имел дело с гоголевским почтмейстером, имел несчастье судиться у гоголевского судьи и принужден был отдавать своих детей под розгу гоголевского «смотрителя училищ». Иными словами, каждый, читал ли он «Ревизора» или видел его на сцене, узнавал в его персонажах «знакомые все лица» чиновных насильников в разных мундирах и признавал горькую правду той страшной картины, которую нарисовал в «Ревизоре» Гоголь.

Впечатление, произведенное в театре гоголевским «Ревизором», было небывалым в истории русской сцены.

Артистов поразила новизна пьесы, ошеломил ее беспощадный реализм, и, быть может, среди них только один М. С. Щепкин в то время полностью понял все значение «Ревизора» как великой общественной комедии. Этот отец русского сценического реализма, актер-демократ, писал Гоголю: «Благодарю вас от души за «Ревизора» — не как за книгу, а как за комедию, которая, так сказать, осуществила все мои надежды, и я совершенно ожил. Давно уже я не чувствовал такой радости, ибо мои радости сосредоточены в одной сцене». Щепкин понимал, что с появлением «Ревизора» началась новая эпоха в истории русского театра — торжество реалистической правды и общественной мысли.

Гоголь в свою очередь писал ему о той буре ненависти, которую возбудила его комедия среди тех, кто больно почувствовал на себе силу грозного удара смелого Смеха:

«Все против меня. Чиновники кричат, что для меня нет ничего святого, когда я дерзнул так говорить о служащих людях: полицейские против меня, бушны против меня; литераторы против меня. Бранят и ходят на пизсу... Уже находились люди, хлопотавшие о запрещении ее. Теперь я вижу, что значит быть комическим писателем. Малейший призрак истины, — и против тебя восстают, и не один человек, а целые сословия».

Мы выразились бы теперь точнее Гоголя, заменив слово «сословия» словом «классы», но смысл остался бы тот же: против писателя поднялись все те, чье классовое господство над народом охранялось городничими и держимордами.

«Бушны против меня» — заметил Гоголь после постановки «Ревизора»; они стали еще более против великого писателя после комедии «Женитьба». Он первый поднял завесу над тем темным царством наживы и корысти, самодурства и невежества, которое, следуя Гоголю, изобразил впоследствии Островский в ряде своих комедий.

Весь театр Гоголя — это театр, воинствующий против угнетателей народа, избличающий корысть и насилие правящих классов. Вот почему революционные демократы Белинский и Герцен так высоко ценили гоголевскую драматургию. Они видели в его грозном смехе одно из сильных орудий борьбы с правящими классами феодально-самодержавной империи, построенной на крепостном рабстве народа.

Драматургия Гоголя имела огромное значение для создания русской школы театрального реализма. Вслед за Гоголем, следуя его школе, выступили Островский, Тургенев, Салтыков, Сухово-Кобылин, Чехов, Горький. Они создали яркие реалистические произведения, в которых сказана великая правда о русском народе, о его творческой силе, жизненной мощи, и они же с «сатирической злостью», по примеру Гоголя, избличали эксплуататорские классы в их преступлениях.

Бесстрашие гоголевского реализма, смелость общественно-политической мысли писателя, глубокая народность и вместе с тем высокая человечность его драматургии явились замечательной школой для советских

драматургов, стремящихся правдиво отразить многогранную жизнь советского народа и его вдохновенный труд. Патриотизм гоголевской драматургии — патриотизм борьбы за благо народа — живет в советской драматургии и воодушевляет советских актеров. Жив и карающий смех Гоголя-драматурга.

В советской стране нет городничих и держиморд. Но насильники всякого рода не перестали еще за священными рубежами нашей Родины. Белинский справедливо писал о том, что сатира Гоголя охватывает огромный круг явлений за пределами России:

«Те же Чичиковы, только в другом платье: во Франции и в Англии они не скупают мертвых душ, а подкупают живые души на свободных парламентских выборах. Вся разница в цивилизации, а не в сущности. Парламентский мерзавец образованнее какого-нибудь мерзавца нижнего земского суда; но в сущности оба они не лучше друг друга».

«Парламентский мерзавец» не лучше гоголевского Ляпкина-Тяпкина из уездного суда. Гоголевский городничий, в другом мундире, за рубежом, продолжает избличать, охраняя интересы магнатов капитала. Либерально-буржуазные хлестаковы продолжают там морочить доверчивые головы своим враньем о необыкновенном якобы «процветании» демократии за океаном. Бобчинские и Лобчинские буржуазной печати широко разносят это хлеставское вранье.

Великий русский писатель и драматург Н. В. Гоголь и ныне живет в своей суровой правде, донные действителен в своей сатире. Едкостью своего сарказма, направленного против лицемеров в общественной жизни, смелостью своего обличения всяческих насильников в жизни народов он участвует в борьбе всех лучших людей нашей современности за правду и мир.

Как неутомимый ревизор, гоголевский смех — свободный, смелый, беспощадный — донные избличает ложь лицемеров и насильников, которые думают сбить человечество с прямого пути правды, свободы и счастья.

Грозный смех Гоголя карает всех, кто ложью и насилием пытается задержать торжество человечности в человеке и человечестве.

С. ДУРЫЛИН,

профессор, доктор филологических наук.

27 FEB 1952

ПЕЧАТНОЕ ЗАМКА
Петрозаводск